

«ИНАКОВОСТЬ» КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Горшков А.С.

кандидат политических наук

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

В дискурсивном политическом пространстве современной России, переживающего жесткие процессы унификации, репрезентация дифференцированных моделей гендерной идентичности, особенно, артикулируемых в терминах «инаковости», – проблема с высоким индексом конфликтогенности. С одной стороны, в российской реальности релятивистским эхом (при серьезной идейно-ценностной фильтрации) рефлектируются тренды глобализации и глокализации, инкорпорирующие в социальную ткань принципы толерантности, способствуют интернационализации и легитимации дискурса плюриверсивности и множественных идентичностей вне зависимости от эссенциалистских паттернов. В этом контексте для западных стран уже привычны такие практики, как регистрация однополых партнерств и браков, организация гей-прайдов и публичная артикуляция интересов ЛГБТ-сообщества, гендерные квоты при кооптации в органы власти, паритетное родительство при равной доли участия в воспитании детей отца и матери (в частности, в вопросах декретного отпуска, алиментов и т. п.). С другой, декламация властной элитой России курса на интеграцию в международное сообщество протекает в логике политики «двойных стандартов». Официальный дискурс (пользуясь терминологией Э. Лаклау и Ш. Муффа) представлен в двух модусах: 1) эксплицитном вербализованном – перманентная апелляция к категории прав человека, качества жизни, инновативности и «модернизации» и 2) имплицитном деятельностном – негласная реставрация патриархальных установок, продуцирующая демаркацию общества

на «друзей» / «врагов», «своих» / «чужих» под эгидой пресловутой триады «православие – самодержавие – народность». При этом, внешний и внутренний «враг» образуют некий нексус, поскольку все «нетипичное», «девиантное», «маргинальное» (феминизм, женские права, женщины в политике, гомосексуальность, транссексуальность, однополые родители) ассоциируется с «западной разнузданностью», «аномией» и «декадансом».

Проблематика «инаковости» («друговости») – не нова и представляет собой симбиоз различных философских, теологических и социально-политических концептов, трансформирующихся в дискурсивной ретроспективе. Платон понимал под «инаковостью» некое отличие вещи, Николай Кузанский постулировал «инакообразие» как различие до противоположности, порождающее неравенство. Однако, трансгрессивные акцентации и ярко выраженные политические коннотации дискурс «инаковости» приобрел в период «постмодернистского поворота» второй половины XX в., когда в западной академической эйкумене институционализируются постструктуралистские, женские, гендерные и квір-штудии. И это, во многом, обусловлено всплеском политической активности женщин, феминисток и ЛГБТ-сообщества, выступающих за прозрачность социальных, политических и культурных благ вне зависимости от физиологических предписаний. Принцип «друговости», провозглашенный Симоной де Бовуар в контексте анализа фемининности и призывов к эмансипации женского¹, приобретает амбивалентный характер. Примат «Другого» реферируется как «абсолютно чуждое», недоступное пониманию, и, в то же время, – «подвластное», «объективированное», т. е. включенное в социальные интеракции, хотя и в ракурсе маргинальности. Следуя логике постмодернистов (М. Фуко, Ж. Делёза, Ф. Гваттари), в случае, если «Другое» сводится к моему Я, его «инаковость» маркируется как отклонение от эталона нормы². Более того, Дж. Фабиан замечает,

что формирование «инаковости» – идеологизированный акт, коннотативно связанный с понятием «время».

Впрочем, феномен «инаковости», абстрагируясь от концепта субъект-объектных отношений (денотата / коннотата), обладает и «позитивной дискурсивностью». Подобные аллюзии применимы, например, к радикальным феминисткам, апеллирующим к «Другому», как «особенному», «аутентичному», «не-мужскому», и, призывающим, в связи с этим, к дистанцированию от маскулинной картины мира путем консолидации в сестринские союзы или лесбийские кондоминиумы. Или, оперируя категориями деколониальных гендерных постулатов («цветной» феминизм, постмодернистские и мультикультуральные гендерные исследования, гей-лесбийские и квир-штудии), есть «Другой» тип женщины / мужчины / человека, качественно отличающийся от линейно заданных дискурсивностей (гетеросексуальный мужчина – добытчик, белая женщина – домохозяйка и т. п.).

В социокультурном и политическом пространстве России феномен «инаковости», в большей степени, субординирован и/или элиминирован дискурсом власти, символически концентрирующемся в таких институциях, как государство, РПЦ, семья. Однако, несмотря на табуирование публичных проявлений «друговости», в виртуальном ойкосе (постепенно материализующемся) складываются множественные «андеграундные» гендерные комьюнити. Анализируя российский казус, можно выделить три ключевых дискурсивных сценария конструирования «инаковой» гендерной идентичности:

1) *Модальная гендерная идентичность*. «Инаковость» выступает в качестве инспирированного государством и РПЦ, а также – медийным контентом, конструкта. В данном контексте воспроизводится патриархатная логика бинарных оппозиций и полоролевых императивов: мужское есть маскулинное – сила, власть, влияние, субъектность, тогда как женское – фемининное, а, следовательно, – семейное, материнское, слабое, не-мужское, объективированное. При этом, ключевым аргументом подобной демаркации служит фактор демографии, который также негативует «иные» сексуальные идентичности (гей, лесби, транссексуал, интерсексуал, квир) и продуцирует пейоративы «гомофобии», «педофилии», «мрако-

бесия», «пропаганды гомосексуализма» (формулировка, вылившаяся в законодательные проекты «Единой России» по ограничению «гомосексуальности» в Санкт-Петербурге, Костромской и Архангельской областях, в последнем из регионов приобретая статус закона). Наиболее эксцентричным и обскурантистским является заявление главы Чеченской республики Рамзана Кадырова о том, что гомосексуалы «подрывают государственный суверенитет». Суггестивному внедрению в массовое сознание «традиционного» распределения социально-политических ролей способствует и телевизионный интертеймент, конъюнктурно солидаризирующийся с властным дискурсом. Достаточно привести такие клишированные телепроекты (реалити-шоу), как «Давай поженимся», «Дом-2», «Мама в законе», «Пусть говорят». Парадоксально, но в последнее время к риторике управляющей элиты присоединились и некоторые женские организации путем инкорпорирования в Общероссийский народный фронт (например, «Союз женщин России», «Ассоциация женщин-предпринимательниц России» и др.).

2) *Сепаратная гендерная идентичность*. «Инаковость» как вариант радикальной сепарации³ от патриархатных, дискриминативных институций с постулированием «аутентичности» как формы консолидации в «независимый» анклав (лесбийский сепаратизм, сестринство, гей-комьюнити). Немаловажно, что индивиды и группы, апеллирующие к принципу партикуляризма, настаивают на том, что добиться признания и права на самовыражение возможно лишь путем активной борьбы. К данной фронде можно отнести радикальных феминисток (в России представлены слабо, спорадически и виртуально – например, движение «За феминизм»), либертарианцев (настаивающих на тотальной свободе «для», и прославившихся эпатажными политическими манифестациями 1990-х, но ушедших в сетевое пространство в 2000-е), леворадикальные социалисты (например, «Комитет за рабочий интернационал», в том числе, декларирующий принцип гендерной эмансипации, эгалитаризма вне капиталистической деградации).

3) *Нарративная гендерная идентичность*. «Инаковость» – синоним выбора, альтернативы, самовыражения, конгруэнтности (способов артикуляции собственных желаний и действий,

направленных на их реализацию). В основном, к этому тренду относятся фрагментированные «ячейки» и инициативы ЛГБТ-сообщества: не-санкционированные гей-прайды⁴, ежегодный Международный фестиваль квир-культуры⁵ и ЛГБТ Международный кинофестиваль «Бок о Бок»⁶, проводимый в Санкт-Петербурге, реализация программ по профилактике ВИЧ и СПИДа (к примеру, проект LaSky⁷). Своеобразными механизмами-катализаторами дискурса гей-идентичности являются специализированные интернет-порталы, контент коих варьируется от научно-исследовательской до досуговой информации, а также – организации общественно-политических дискуссий и социологических исследований. Кроме того, активно осваивается и такая ниша, как социальные сети и создание сетевых комьюнити в виде «групп», «сообществ» вКонтакте, Live Journal и т.п. В частности, в последнее время в Рунете проявляются мемы «сочувствующих» (например, родительская группа Санкт-Петербургской ЛГБТ-организации «Выход», новосибирская ассоциация ГОРД – «Гомосексуалы, родители и друзья», сетевой дневник «Я – мама гея и горжусь этим» – alla1958.livejournal.com и пр.).

В целом, несмотря на дискурсивную диссипацию, в российском массовом сознании превалирует первый сценарий, дескриптивный

«инаковость» в категориях «враждебности» и «интолерантности». Вторая и третья модель – эксклюзивны и, де-факто, незримы для большинства, поскольку каналы их артикуляции и коммуникации лежат вне публичного поля, а попытки привлечения общественного внимания – пресекаются и осуждаются официальными институтами.

Литература:

1. См.: Бовуар С., де. Второй пол. Т. 1 и 2. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
2. Дороговцева И.С. Лингвистический аспект отношения Я / Другой в философии XX века // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 87–90.
3. См., например: Фрай М. Некоторые мысли о сепаратизме и власти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feminist.org.ua/library/feminist/txt/fray.php>.
4. Инициатор – Николай Алексеев, 21 октября 2010 г. выигравший судебное разбирательство «Алексеев против России» в Европейском суде по правам человека. Европейский суд признал запрет гей-парадов 2006–2008 гг. в Москве грубейшим нарушением целого ряда статей «Европейской Конвенции по правам человека и основным свободам», а высказывания экс-градоначальника Ю. Лужкова (а-ля «гей-парады – дело сатанистов») интолерантными.
5. Сайт Международного фестиваля квир-культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.queerfest.ru/>.
6. Сайт ЛГБТ Международного Кинофестиваля «Бок о Бок» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bok-o-bok.ru/>.
7. Сайт проекта «La Sky» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lasky.ru/>.

Романов А.В.

ДИСКУРС ТЬМЫ, ИЛИ АНОНИМНЫЙ САТАНИЗМ

Романов
Андрей
Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

E-mail:
andrei.v.romanov@
gmail.com

Introduction Будучи индивидуально, мотивационно «многообразной» (В. Джемс), религия может приносить как пользу, так и вред. Вера в Бога – в зависимости от символизируемых Им ценностей – пробуждает в человеке как добро, так и зло. Идя путем религиозности, человек воплощает образ не только Бога, но, зачастую, и Сатаны. Философия религии невозможна без того, чтобы не потревожить устоявшиеся представления о священном, без «оскорбления религиозных чувств». Постмодернистская деконструкция устраняет абсолютность и сакральность любой религии, любого образа Бога.